

18+

ГДЕ-ТО РЯДОМ ВСЕГДА

ИВ СОКОЛОФФ

Ив Соколофф

Где-то рядом. Всегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42310058

ISBN 9785449662729

Аннотация

Когда жизнь движется к своему естественному закату, как принять внезапное осознание, что ты прожил ее неправильно? Или еще не поздно все изменить?

Содержание

Начало?	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Где-то рядом. Всегда

Ив Соколофф

© Ив Соколофф, 2020

ISBN 978-5-4496-6272-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало?

– Что ж ты так поторопилась, а? Эх, Яна, Яна...

Валерий Александрович с трудом нагнулся поправляя цветы, скатившиеся с гладкой могильной плиты. Все уже разошлись: вечно спешащие дети по своим исключительно важным делам, немногочисленные родственники и вовсе еле дождались окончания панихиды, оскорбленные нежеланием вдовца устраивать пышные поминки «как положено»: с обильной едой и выпивкой не чокаясь, а после – пьяной слезливой болтовней.

Июльское солнце припекало, но вдруг, неведь откуда задувший свежий ветерок, принес прохладу и, неожиданно, странное, какое-то ментоловое облегчение. Еще раз сердито покачав головой не одобряя поступка жены, которая позволила себе умереть так же, как и жила: тихо и безропотно, Валерий заложил руки за спину и пошел домой. Знакомые улицы казались странными и неприветливыми. Весь город, суetyщийся и бурлящий вокруг, вызывал тоску и антипатию. Старик уже несколько дней привыкал жить в одиночку, но получалось пока не особенно хорошо, и бутылка коньяка теперь занимала постоянное место на столе в гостиной. И ведь не сказать, что они были в последние годы так уж близки с женой: отдельные спальни, разные интересы, давно не осталось даже искры тепла, одна лишь привычка. Да

и была ли когда-нибудь эта искра? Наверное была... Но сейчас Валерий Александрович вдруг засомневался, с усилием он попытался вспомнить, с чего у них с Янкой все началось, и не смог – прошлое вставало перед глазами мутным треснутым калейдоскопом: цветные невнятные пятна, и только.

Уже поздно вечером, клюя носом над рюмкой под монотонное бормотание медиацентра, он вдруг решил отыскать старые семейные фотографии. Не компьютерный архив, а настоящие, бумажные снимки из той далекой эпохи, когда фотодело было больше похоже на магию, где при свете красного фонаря, в кювете с химикатами на белом листе сначала постепенно, а затем быстрее и быстрее проявлялось и становилось все более контрастным изображение. Иногда удачное яркое и живое, а временами откровенно провальное: портреты с закрытыми глазами, смазанные или засвеченные кадры.

Насколько Валерий Александрович помнил, у них была целая коробка старых снимков: еще в школе фотография стала для него одним из увлечений, которое сошло на нет лишь с началом цифровой эры – фотографировать без магии ему было неинтересно.

Вскоре из кладовки была извлечена объемистая коробка из-под зимних женских сапог со слегка помятой крышкой. Старик неторопливо, со вкусом, отхлебнул коньяка и начал разбирать архив. Сверху лежали несколько толстых альбомов – самое начало их с Янкой совместной жизни: свадьба, покупка щенка, первый отпуск, рождение детей... Валерий

Александрович разложил фотоальбомы на диване, намереваясь рассмотреть их без спешки в хронологическом порядке. В коробке оставались еще совсем старые карточки: родители, деды-прадеды и целая стопка школьных фотографий. Машинально он взял эту чуть выцветшую пачку, перехваченную растянутой резинкой и начал бегло просматривать. Эти изображения казались ему совсем чужими, хотя вот он сам, Валерка Алексеев, или Вал, как сокращенно звали его товарищи, в компании друзей с гитарами. Вот какой-то праздник: нарядные девчонки, снова гитары... Одна девочка попадалась чуть чаще остальных и, наверное, неспроста, но это сейчас не вызывало никаких эмоций.

Дело в том, что никого из этих людей, да и почти ничего из той жизни он не помнил. Сорок лет назад тогда еще вполне молодой Валера возвращался из магазина, груженный провизией на всю семью. Была зима, вечерело... Так ему рассказывали, во всяком случае. А потом, как в старенькой кинокомедии: поскользнулся – упал, очнулся – гипс. Ну, хорошо, не гипс, просто забинтованная голова. И память, как лоскутное одеяло, где черных квадратов гораздо больше, чем цветных. Ох, сколько лет прошло, кое-что с тех пор вспомнилось, хоть и каким-то рваным пунктиром, но большая часть так и пропала навсегда.

Старик со вздохом положил было стопку фотографий обратно, как вдруг что-то привлекло его внимание на самом дне коробки: из-под потрепанного фамильного альбома вы-

глядывал краешек толстой тетради в коричневом переплете. Валерий Александрович удивленно нахмурился: что бы это могло быть? Раньше он часто пересматривал архив, надеясь вернуть потерянное прошлое, но в коробке были только фотографии. Хм, любопытно! Он вынул тетрадку, из ее середины прямо на колени выпали архаичные электронные часы. Валерий Александрович поднес к глазам тяжелый членистый браслет тусклого металла, всмотрелся в маленький слепой экранчик. Старая работа, таких днем с огнем теперь не сыскать, откуда они только тут взялись? Он перевернул часы и с удивлением обнаружил прикрепленную липкой лентой к задней крышке батарейку в прозрачном блистере, похожую на таблетку от головной боли. О, такие он помнил: надо было монеткой отвернуть круглую крышечку и поставить таблетку в круглую выемку на корпусе. Что ж, ноготь тоже сгодится. Часы пискнули и ожили. Чисто автоматически, не задумываясь, он выставил время и дату, подивившись этому своему не утерянному навыку, снял с руки и небрежно отложил в сторону смарт-коммуникатор, застегнул на запястье приятно прохладный тяжелый металлический браслет. Вещь! Теперь посмотрим, что это за странный конспект...

Рюмка снова наполнилась. Старик прибавил света и раскрыл потертую тетрадку. На первом листе печатными буквами было выведено:

Глава 1

Дитрих Фогель

Где-то рядом. Всегда

Схематичная повесть

Вал резко обернулся. Нет, все тихо, показалось. Уже полтора часа он пробирался через залитую тусклым лунным светом чащу. Тропа давно оставила его, под ногами хлюпало, с корявых голых ветвей то и дело срывались крупные капли, и вдобавок откуда-то справа потянулись тяжелые пряди волглого густого тумана. Сзади опять хрустнуло. От неожиданности Вал вздрогнул, быстро глянул через плечо и ему привиделось, что там, далеко позади, во влажной капающей темноте что-то движется. Вал сбился с шага, остановился и, прижавшись спиной к мокрому замшелому стволу, стал, напрыгая глаза, вглядываться в черноту ночи.

Сердце бешено колотилось в груди, животный ужас вскипал темной волной, грозя затопить сознание. Только не паниковать! Без паники! Это лось или еще какой-нибудь зверь, нет ему никакого дела до него, Вала, нету и быть не может. Тишина. Ни движения, только где-то высоко по верхушкам сосен просвистел порыв холодного ветра. Померещилось?

А бог его знает, главное идти, идти не останавливаясь. Ужас медленно отпустил, сразу стало холодно. Вал заставил себя повернуться спиной к жуткой неизвестности. Так: левой, теперь правой... Пошел, пошел!

Лес внезапно кончился. Впереди отлого спускался склон большого холма, заросший спутанной, мокрой после недавнего дождя травой, она казалась совсем седой в ярком свете почти полной, взобравшейся уже довольно высоко луны.

«Около полуночи», – подумалось Валу.

Его электронные часы, безотказно служившие ему уже пару лет, погасли едва он вошел в этот чертов лес, и время он определял на глаз.

Далеко внизу, у самого подножия холма темнела вроде бы деревенька: невысокие плетни, черные срубы – ни огонька. Вал надеялся, что туда-то ему и надо. Еще раз непроизвольно оглянулся через плечо и споро зашагал напрямки, путаясь ногами в высокой траве.

Полчаса спустя он уже шел по единственной улице тихой, будто вымершей, деревни. Так, последний дом слева, с резным флюгером на крыше.

Уже взявшись за шаткую калитку, Вал вдруг замешкался: все сомнения последних дней нахлынули на него с новой силой. Он повернулся, посмотрел вдоль улицы на деревню, на белесый склон холма, на темнеющую вдалеке наверху стену векового леса. Там, в густой тени высоченных сосен Ва-

ду опять почудилось какое-то движение, отзвук минувшего ужаса сжал ему сердце. Все, пути назад нет. Вал провел рукой по глазам и решительно толкнул калитку.

Он прошел уже половину небольшого двора, как вдруг подумал о собаке, о сторожевой собаке: есть ли она здесь? Вал невольно напрягся, ожидая рычания, но все было тихо, и он успокоился. У самого дома стало видно, что окна не так темны как казалось с улицы: где-то в глубине горела свеча или, возможно, керосиновая лампа. Вал поднялся на крыльцо и осторожно постучал в дверь. Довольно долго было тихо, и он забарабанил более решительно. В могильной тишине ночи стук по сухому дереву массивной двери показался Валу слишком громким и каким-то неуместным. Но в ответ уже послышались легкие шаги, и тихий женский голос встревожено окликнул:

– Кто там?

Неужели? Да, это был именно тот голос, который Вал так жаждал услышать. Хотя даже сейчас ему почти не верилось в реальность всего происходящего.

В висках застучало, пересохло во рту, и каким-то чужим хриплым голосом он произнес:

– Маша? Это Вал... лерий Алексеев. Мы учились в одном классе.

– Валерка? Господи! Ты? Входи быстрее!

Послышался скрежет отодвигаемого засова, и дверь, скрипнув, отворилась. Вал чуть замешкался на пороге, за-

чем-то оглянулся и успел краем глаза заметить, как совсем близко, не дальше околицы, по залитой лунным светом улице метнулась куда-то наискосок в густую тень домов приземистая крупная и какая-то размытая фигура. Нахлынул давешний ужас и Вал, не разбирая дороги, не вошел, а скорее ввалился в освещенные сени, пробежал по инерции еще несколько шагов и только тогда смог остановиться и обернуться на звук запираемой двери.

Страх мгновенно отпустил. Было довольно светло от громоздкой керосиновой лампы, стоявшей на лавке у входа, и Вал, замерев, смотрел во все глаза на хрупкую женскую фигурку, замершую у двери.

Да, это была Маша, она была совершенно такая же, как и двенадцать лет назад, когда они виделись последний раз. Все та же фигура девочки-подростка, миниатюрная, изящная и стройная, с едва обозначавшейся грудью и необычайно красивыми гибкими руками. Золотистые волосы – недлинное каре, открытый взгляд огромных серо-голубых глаз, слишком умных и печальных. Прямой, изящно очерченный нос, светлые, чуть удивленные брови, и, слева над бровью, маленький белый шрамик. Ее нельзя было назвать красивой в шаблонном понимании этого слова, она была очень милой и хорошенькой, однако не надо было быть великим прозорливцем, чтобы разглядеть за трогательной внешностью железную волю и негибаемый характер. Все это Вал помнил отчетливо и даже поза была ему знакома: Маша бы-

ла небольшого роста и стояла, чуть откинувшись назад, с так знакомо скрещенными на груди руками, молча глядя на Вала чуть снизу вверх, внимательно и серьезно. Она была одета в простую светлую ночную рубашку, едва доходившую до стройных коленок, а поверх небрежно накинула большую серо-голубую шаль.

– Привет, – Вал наконец справился с обуревавшим его волнением. – Я все-таки тебя нашел.

– Глазам своим не верю, столько времени прошло. Ты здесь. Как?

– Как? – машинально повторил Вал, затем нервно улыбнулся: – Что как? Доехал? На электричке. Мне дали твой адрес. Мне нужно многое тебе сказать... я... – Вал смешался и замолчал.

– Адрес? – Маша недоверчиво нахмурилась. – То есть ты сам сюда доехал? Вот так просто?

– Сам, но не очень-то и просто. Мне кажется эта штука там, – он кивнул на дверь, – меня чуть не сожрала.

Маша задумалась, в ее глазах явственно читалось удивление.

– Ладно, проходи, раз уж ты смог сюда добраться – не гнать же тебя обратно на улицу!

От этой мысли Вал поежился: разом вспомнился и жутковатый лес, и тень у околицы.

Маша проверила засов и, подхватив со скамьи лампу, прошла мимо Вала в распахнутую боковую дверь. Вал после-

довал за ней и оказался в просторной, в три окна, комнате с бревенчатыми стенами и не по-деревенски высоким потолком. Хозяйка поставила лампу на стол и села, со скрипом пододвинув громоздкий стул с высокой спинкой. Вал бросил на пол сумку и огляделся. По-видимому, весь дом состоял из одной комнаты. Слева от двери в углу стоял добротный дубовый стол и несколько стульев, у противоположной стены возвышалась монументальная печь, справа от входа находилась широкая расстеленная кровать и то ли сундук, то ли комод над которым висело овальное зеркало в бронзовой раме. На полу лежал большой круглый половик, окна закрывали плотные шторы. На стенах и даже в простенках между окнами висели небольшие картины, изображение на которых в мягком колеблющемся свете лампы было толком не разобрать, выделялись лишь светлые деревянные рамки. Никакой люстры не было, да и электричества, по-видимому, тоже.

– Садись, – Маша кивнула на соседний стул. – Есть будешь? Правда, сейчас могу предложить немного: свежий хлеб, да молоко.

– Нет, спасибо, – Вал даже думать не мог о еде. – Ты видела эту жуть на улице? Черт, что это за хреновина?

– Не думай сейчас об этом, здесь совершенно безопасно. Так, все-таки, зачем ты здесь? – она прямо и, казалось, спокойно смотрела ему в глаза, но тонкие пальцы, теребившие уголок шали, выдавали сильное волнение.

Вал нервно сглотнул, собираясь с мыслями. В голове все

путалось, он не знал с чего начать, хотя сотни раз представлял себе их встречу, подбирал проникновенные трогательные слова, самые нужные и понятные. И вот, когда все так невероятно сбылось, он сидел краснея, кровь молотом стучала в висках, руки стали ватными, и даже язык перестал ему повиноваться. И Вал сказал может быть не так, как задумал, но именно то, что чувствовал в этот момент:

– Я... Я люблю тебя.

– Я знаю, – ее губы дрогнули в какой-то горькой полуулыбке. – Иначе, наверное, ты бы сюда не прошел. – Она немного помолчала, а потом тихо добавила: – И, знаешь, я тоже тебя люблю. И всегда любила.

Вал окончательно смешался и молча уставился на свои руки. В его душе был полнейший сумбур. Но это вдруг стало как-то неважно, потому что где-то глубоко в душе сладко затрепетало: «Любит, любит!»

– А ведь, наверное, должна бы ненавидеть, – очень серьезно продолжала Маша. – Ты же бросил меня ни с того ни с сего, когда я больше всего нуждалась в твоей поддержке, а не в эгоистичном нытье влюбленного мальчишки! Мама... – ее голос дрогнул, – мама тогда совсем с ума сошла с этой ее сектой, пропадала там днями и ночами, ничего больше не хотела знать. Отчим страшно переживал, стал приходиться домой пьяный, они страшно ругались. Я чувствовала себя ужасно, а ты... Ты просто исчез!

Неужели все было именно так?! Ведь Валу казалось, что

его просто не воспринимают всерьез: они даже ни разу не поцеловались! А что за любовь без нежностей, объятий и поцелуев? И теперь ему хотелось кричать, кричать от обиды, что все так несправедливо и глупо получилось. Он взял ее руки в свои, нежно сжал ее теплые ладони: ему так хотелось сказать ей что-нибудь хорошее, утешить, чтобы навсегда высохли эти блестящие слезинки в ее милых глазах, чтобы она наконец улыбнулась – ведь он раньше толком не видел, как она улыбается.

Какой-то странный звук привлек их внимание: как будто кто-то там, снаружи на крыльце, осторожно пробует входную дверь на прочность. Маша вздрогнула, Вал почувствовал, как напряглись в его руках ее ладони. Дверные доски закрипели: снаружи что-то мягкое и тяжелое навалилось на неподатливое дерево.

Маша мягко высвободилась и произнесла свистящим шепотом:

– Т-с-с! Ничего не бойся! – и затушила лампу.

Они остались в крошечной тьме. Скоро глаза понемногу привыкли, контуры предметов постепенно проступали из темноты. Внезапно стало светлей: луна вышла из облаков, и теперь заглядывала в среднее окошко, прямо в щелку между неплотно задернутыми шторами. Было очень тихо, потом за окном пронесся порыв ледяного ветра, жалобно скрипнул, повернувшись, флюгер, и стало слышно, как кто-то тяжело и мягко спускается с крыльца. Затем тихие шаги послыша-

лись во дворе: они огибали дом. Ближе, еще ближе. Вот уже шуршит растущая под окном трава, и вдруг в комнате потемнело: незваный гость пытался заглянуть в щель между занавесками, приникнув к стеклу.

– Тихо! Не шевелись! – Маша схватила руки Вала и крепко сжала.

Вал молчал, он был разбит и практически парализован, волна ужаса накрыла его с головой, он не отрываясь смотрел на окно. Густой мрак мешал разглядеть черты пришельца, но было видно, что в них нет ничего человеческого. Поверхность стекла покрылась капельками влаги, как испариной, снаружи что-то клубилось чернее ночи, а потом к самому стеклу прижался красный, горящий холодным огнем, драконий глаз с щелястым горизонтальным зрачком. И тут разум отказался воспринимать страшную действительность, и Вал потерял сознание.

Глава 2

Когда он очнулся, уже почти рассвело. Вал лежал в постели, укрытый мягким теплым одеялом, рядом на стуле была аккуратно сложена его одежда. Ему было хорошо и спокойно, от пережитого ужаса не осталось и следа, не хотелось ни вспоминать, ни думать об этом. На какой-то миг Валу вдруг показалось, что все события минувшей ночи были просто сном, что стоит окончательно проснуться, как исчезнут эти бревенчатые стены, дощатый потолок, пропадет запах сухого смолистого дерева, и он окажется в своей квартире на седьмом этаже панельной многоэтажки, разочарованный и опустошенный.

Вал крепко зажмурился, затем медленно открыл глаза. Все осталось по-прежнему. Он скосил взгляд и увидел, что рядом, поверх одеяла, свернувшись калачиком и укрывшись шалью, спит Маша. Осторожно повернувшись, Вал нежно обнял ее за плечи. Девушка шевельнулась устраиваясь поудобней, чему-то улыбнулась во сне и снова задышала тихонько и ровно.

«А ведь мы еще никогда не были так близки», – подумал он и внезапно провалился в глубокий сон без сновидений.

Маша проснулась, когда солнце давно встало, и за окном всюю пели птицы. Ей было тепло и уютно, и как-то необыкновенно хорошо, даже весело на душе. Она лежала, неплот-

но прикрыв веки, и чувствовала, как сомнения и горечь прошлого вечера постепенно тают, исчезая без следа. Главное – он пришел, скорее всего ненадолго, но он здесь! А ведь раньше она боялась даже думать об этом, считая подобное стечение обстоятельств невозможным, несбыточным, нереальным. Теперь же у них было время, она, правда, еще точно не знала сколько, для совершенно невозможного счастья.

Но пора было вставать: день уже давно начался, а впереди было много важных дел, которые совершенно необходимо было выполнить до наступления ночи. Иначе... Впрочем, никакого «иначе» не будет! Все сложится хорошо, это Маша знала точно. Она осторожно высвободилась из объятий крепко спящего Вала, села, ее взгляд на минуту задержался на его бледном спокойном лице, и ей подумалось: как же она все-таки соскучилась за эти двенадцать лет! Маша тихонько встала с кровати и на цыпочках выскользнула в сени: одеваться и умываться.

Вал открыл глаза. Рядом уже никого не было, да и комната оказалась пустой, но из-за приоткрытой двери было слышно, как кто-то возится с посудой, тихонько напевая, как шумит чайник, что-то жарится на плите. Шторы были задернуты, и в комнате царил полумрак, но упрямое солнце все равно находило щелочки и лазейки, чтобы бросить на пол сноп ярких, искрящихся лучей в которых так любят танцевать пылинки.

Вставать не хотелось. Вал сладко потянулся, закинул руки за голову и прикрыл глаза. Скоро он услышал скрип открываемой двери и притворился спящим. Маша что-то поставила на стол, а затем ее шаги приблизились, и она села на краешек постели.

– Пора вставать, – она наклонилась и нежно погладила его щеку. – Просыпайся!

Вал резко приподнялся, обхватил ее за плечи и попытался поцеловать, но Маша легко выскользнула из его объятий, вскочила на ноги и смеясь погрозила ему пальцем.

– Какой быстрый! Всеу свое время! Давай-ка быстренько умывайся и – за стол. Я сейчас приду.

Она вышла из комнаты, затем хлопнула входная дверь.

Вал быстро поднялся, натянул джинсы и футболку, сунул ноги в кроссовки и направился к двери, на ходу приглаживая волосы. У зеркала он задержался – что-то в его отражении было странным. Вроде все как обычно: довольно короткие светлые волосы, прямой породистый нос, выразительные серые глаза под темными прямыми бровями, твердо очерченный рот, в меру волевой подбородок, явно требующий бритвы. И все же, что-то было не так. Вал попытался понять в чем дело, и тут ему показалось, что он стал выглядеть немного моложе своих двадцати восьми лет, не на восемнадцать, слава богу, но несколько ранних морщин на лбу бесследно исчезли, а в глазах появился какой-то незнакомый веселый отблеск. Вал провел рукой по колючей щеке.

«Побриться просто необходимо!» – подумал он и улыбнулся своему двпйнику.

Вчерашние темные сени неожиданно оказались большой кухней, хорошо благоустроенной и очень светлой, благодаря широким окнам с частым переплетом. Здесь была глубокая раковина с краном по виду которого можно было предположить наличие горячей воды, плита необычной конструкции, множество шкафов и полок с посудой, кастрюлями и прочей кухонной утварью, а также простой деревянный стол. В стене по правую руку был вход в дом, а на противоположной стороне находилась незаметная дверка, за которой, как оказалось, скрывалась ванна и прочие сантехнические «удобства». Но нигде Вал не заметил ни одной розетки. Что ж хорошо, что у него аккумуляторная бритва: уничтожение щетины пока оставалось самой актуальной темой этого утра.

Он уже заканчивал умываться, когда Маша вернулась держа в руках большую жестяную банку.

– Вот, – она кивнула на свою ношу, – позаимствовала немного кофе у соседей. Нам не помешает сейчас немного взбодриться!

При ярком свете солнечного утра, Маша показалась Валу совсем юной и просто восхитительной: ей так шли узкие голубые джинсы и обтягивающая футболка с ярко-желтым подмигивающим смайликом на груди.

Какое-то время он откровенно любовался ею, потом, словно спохватившись, достал из заднего кармана выдавшую

виды аудиокассету с полустершейся надписью «Чайф» на наклейке.

– Вот, возвращаю. Немного поздновато, правда, – Вал смущенно отвел глаза.

– Та самая? – Маша поставила банку на стол, взяла кассету и теперь задумчиво вертела ее в руках. – Ты мне так и не сказал тогда... Понравилось?

Вместо ответа он крепко обнял девушку, та чуть приподнялась на цыпочках и уткнулась ему в шею. Так они стояли какое-то время, чувствуя, как все плохое и недосказанное растворяется, как прядь тумана под порывом свежего весеннего ветра.

А потом они завтракали: ели яичницу с беконом и пили невообразимо ароматный, обжигающий кофе с каким-то пряным печеньем. Они много смеялись, вспоминали школу: учителей и одноклассников, «Последний звонок» и выпускной вечер, и их первый танец – он обнимал ее за талию и старался максимально приблизиться, а она смущалась и все время отстранялась. Им совершенно не хотелось говорить ни о чем печальном или тревожном, но, в конце концов, Вал все-таки спросил:

– Можешь объяснить мне, что это была за гадость ночью? И, вообще, я точно помню, как сидел за столом, а дальше... Не могло же мне все это присниться!

– Тебе, может, и могло, а мне было очень нелегко дотащить тебя, еле живого, до кровати! – улыбнулась Маша. –

А что касается этой, как ты выразился «гадости», то хочешь ты этого или не хочешь, но сегодня вечером тебе придется узнать о ней, а точнее о них довольно много всего. Ладно, – она решительно отодвинула стул и встала, – мне нужно ненадолго отлучиться, а ты побудь здесь. Проголодаешься – найдешь что-нибудь в холодильнике, такой большой шкаф слева. И вот что еще... Я тебя, на всякий случай, запрю, но все равно даже не пытайся выйти из дома, не открывай двери и окна! Помни, это очень важно!

Вал кивнул, подтвердив самое серьезное отношение к ее словам.

Маша облегченно улыбнулась:

– Тогда пока! А то я страшно опаздываю!

Она быстро чмокнула его в уголок рта и упорхнула, не дожидаясь, пока ее проводят. Было слышно, как она тщательно запирает дверь, затем спускается с крыльца. Вал бросился к окну и увидел, как ее ладная фигурка торопливо направляется к выходу из деревни. Вот она обернулась, на минутку остановилась и помахала ему рукой, а затем окончательно скрылась из виду.

Какое-то время Вал разглядывал противоположную сторону улицы. Селение состояло, в основном, из добротных аккуратных срубов, крытых то ли дранкой, то ли еще каким-то похожим природным материалом. Ухоженные цветники, невысокие заборчики, мощеная камнем дорога – деревня как будто сошла с картины какого-то сельского худож-

ника-идеалиста. Вал проследил взглядом до дальнего конца улицы и удивился: там неожиданно оказалось несколько домов, построенных скорее в южно-немецком стиле – балки темного дерева, образывавшие четкий геометрический узор по фасадам, побеленные стены, черепичные крыши. Эти домики резко контрастировали с остальными постройками.

«Интересно», – подумал Вал, – «надо будет разузнать, как так получилось».

Он отвернулся от окна и неторопливо оглядел комнату. Первое, что ему бросилось в глаза, были картины, развешанные по стенам. Они поражали свежестью красок и филигранной точностью, тщательной прорисовкой деталей. На всех были изображены пейзажи, вот только какие-то странные, словно не земные. Может, это были другие планеты, или же, например, иные измерения, однако у зрителя картины вызывали чувство абсолютной реальности, не было даже сомнения: эти места действительно существуют. Валу особенно запомнились восход двух красноватых солнц над коричнево-рыжей каменной пустыней и каскад водопадов под совершенно чужим фиолетовым небом.

Он бесцельно слонялся по комнате, понятия не имея, сколько прошло времени: ничего похожего на часы нигде не было видно, а его собственные так и не пошли. Вал прилег на кровать и решил все обстоятельно обдумать. Результатом было то, что вместо того, чтобы «разложить все по по-

лочкам», он внезапно заснул.

Глава 3

Вал проснулся от звука открывающейся двери. Вошла Маша, покрасневшая, словно от быстрой ходьбы.

– Спишь?

– Ага... – Вал никак не мог разлепить тяжелые со сна веки.

Маша присела на краешек кровати и нежно его поцеловала. Вал наконец-то достаточно проснулся, сел потягиваясь и тут заметил у нее в руках какую-то странную блестящую железку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.